

«И ВООБЩЕ, ИДЕОЛОГИЯ “ТОРГОВЦА” МНЕ НЕ СВОЙСТВЕННА...»: ХАРАКТЕРИСТИКА “ЛИШЕНЦЕВ” – БЫВШИХ КУПЦОВ ГОРОДА ЧИСТОПОЛЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНЫХ ДЕЛ (1920-1930-Х ГГ.)

Корева Наталья Анатольевна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук»; Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академия наук Республики Татарстан (г. Казань)
KorevaNata@mail.ru

"AND IN GENERAL, THE IDEOLOGY OF THE "MERCHANT" IS NOT PECULIAR TO ME...": CHARACTERISTICS OF THE "LISHENTSEV" – FORMER MERCHANTS OF THE CITY OF CHISTOPOL BASED ON PERSONAL FILES (1920-1930S)

N. Koreeva

Summary: The study of this topic allows us to better understand the processes that took place in the 1920s and 1930s in Russia and the Tatar Republic associated with the phenomenon of "deprivation". The personal files of the former merchants of the county town of Chistopol, deprived of voting rights, are considered. Before the revolution, they were all members of the stock exchange society. Faced with discrimination and having lost the opportunity to work, former traders made repeated unsuccessful attempts to restore their voting rights. The article provides information from sources introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: "deprived", suffrage, Central Executive Committee of the Council of Workers', Peasants' and Red Army Deputies of the Tatar ASSR, All-Russian Central Executive Committee, merchants, Chistopol, restoration of voting rights.

Аннотация: Изучение данной темы позволяет глубже понять процессы, происходившие в 1920–1930-х гг. в России и Татарской Республике, связанные с феноменом «лишенчества». Рассмотрены личные дела бывших купцов уездного города Чистополя, лишенных избирательных прав. До революции все они являлись членами биржевого общества. Столкнувшись с дискриминацией и потеряв возможность работать, бывшие торговцы предпринимали многократные безуспешные попытки восстановить свои избирательные права. В статье приводятся сведения из впервые вводимых в научный оборот источников.

Ключевые слова: «лишенцы», избирательное право, ТатЦИК, ВЦИК, купцы, Чистополь, восстановление избирательных прав.

После революции 1917 г. в России началась трансформация избирательной системы, коренным образом изменившая жизнь людей, занимавших в прежней социальной иерархии высокие позиции. Бывшие купцы как «социально чуждые группы населения» лишались политических прав, для них практически сразу вводился комплекс дискриминационных ограничений.

Остановимся на некоторых правовых аспектах функционирования новой системы, в рамках которой и возник феномен «лишенчества». В декабре 1917 г. было издано обращение НКВД РСФСР «Ко всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов» с рекомендацией отказаться от избрания в Советы «кулаков, торговцев и других эксплуататоров» [23, с. 122]. В «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» обозначалось: «...Эксплуаторам не может быть места ни в одном из органов власти» [16, с. 223]. В.И. Ленин в

апрельской статье 1918 г. «Очередные задачи советской власти» отмечал, что «избирателями являются трудящиеся и эксплуатируемые массы, буржуазия исключается» [17, с. 203].

Провозглашенные новые принципы избирательного права легли в основу Конституции, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. (ст. 65): «Не избирают и не могут быть избранными: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники...». Избирательными правами отныне пользовались совершеннолетние лица, «добывающие средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом», занятые домашним хозяйством, рабочие и служащие всех видов и категорий, а также гражда-

не, утратившие трудоспособность. Данные нормы были закреплены и в Конституции РСФСР 1925 г., и действовали до принятия Конституции СССР 1936 г.

Состав лиц, подлежащих лишению избирательных прав, определялся декретами Всероссийского центрального исполнительного комитета (сокращенно ВЦИК). Согласно инструкции ВЦИК от 11 августа 1924 г., лишались избирательных прав как лица, «*прибегавшие* (курсив наш. – Н.К.) к наемному труду с целью извлечения прибыли, живших на нетрудовой доход или занимающихся торговлей», так и относившиеся к этим категориям в момент выборов (однако местные избирательные комиссии могли допустить к голосованию тех лиц из бывших торговцев, которые проявили лояльность к советской власти и жили на добытые личным трудом средства, без эксплуатации другого человека, что необходимо было подтвердить удостоверениями от фабрично-заводских и местных комитетов) [9]. В 1925 г. была издана новая инструкция, дававшая возможность восстановиться в правах владельцам мельниц, маслобоек, кузниц и т.п., даже имевших одного наемного рабочего или двух учеников, торговцам по патенту 1-го разряда (торговавшим вразнос), членам их семей в случае их материальной независимости [10]. Однако эта инструкция была отменена уже в следующем, 1926 г. Декрет ВЦИК вернул нормы 1924 г., исключив из числа избирателей граждан, «*прибегавших или прибегающих* в настоящее время к наемному труду» в предпринимательских целях, «*занимавшихся или занимающихся* ныне торговлей» (курсив наш. – Н.К.), лиц, относящихся по своей прошлой деятельности к категории лишенных избирательных прав, владельцев промышленных предприятий, коммерческих посредников, перекупщиков, кредиторов [11, с. 885–899]. Отметим, что правом на восстановление в правах с 1926 г. могли воспользоваться те представители бывшей буржуазии, которые имели пятилетний стаж производственного и общественно-полезного труда и доказали свою лояльность власти. Нормы 1926 г. были повторно закреплены в инструкциях, утвержденных в 1930 и 1934 годах [20; 19]. С 1930 г. могли восстановиться в избирательных правах дети «лишенцев», находившиеся у них на иждивении, но достигшие к 1925 г. совершеннолетия и самостоятельно занимавшиеся общественно-полезным трудом [21].

В связи с частыми изменениями законодательства, введением дополнительных инструкций о выборах, направленных, как правило, на расширение состава лишенных избирательных прав, их доля по РСФСР претерпевала определенные колебания – так, в 1924/25 гг. «лишенцы» составляли 5,1%, в 1925/26 гг. – 4,4%, в 1927 г. (по неполным данным) – 7%, в 1929 г. – 7,2% от числа всех

избирателей¹. Для официальной статистики существовали следующие категории «лишенцев»: «прибегающие к наемному труду» (в 1929 г. в РСФСР – 4,5%), «живущие на нетрудовые доходы» (10,1%), «торговцы и посредники» (36,4%), «служители религиозного культа» (4%), «агенты бывшей полиции и жандармерии» (3,6%), «осужденные судом» (4,6%), «умалишенные и подопечные» (1,8%), «члены семей лишенных» (35%) [13, с. 5].

В масштабах СССР, по оценкам исследователей, доля «лишенцев» составляла 1,63%, причем среди всех категорий частные торговцы составляли свыше 43% [2, с. 2]. Таким образом, бывшее купечество, нэпманы и члены их семей стали основным контингентом, лишенным избирательных прав. Исследование проблем этих категорий населения не теряет своей актуальности, несмотря на то что в целом «лишенцы» неоднократно становились объектом изучения ученых.

Лишение избирательных прав как явление впервые стало объектом внимания как правоведов, так и практических работников еще в 1920-е гг., в связи с формированием советской избирательной системы. Работы были посвящены анализу процедур лишения и восстановления в избирательных правах. В этот период появляются статистические сборники об итогах выборов в городские советы [13].

В рамках данной статьи мы не будем останавливаться на анализе имеющейся литературы, отметив, что результаты комплексного изучения отечественной и зарубежной историографии по исследуемой теме изложены в коллективной монографии, опубликованной учеными в 2017 г. [18].

Большой вклад в понимание феномена «лишенчества», его правовой и психологической основы на современном этапе развития исторической науки внесли Д.В. Валуев, М.С. Саламатова, А.А. Кожаева, В.Н. Белоновский, Н.А. Федорова и многие другие [1; 14; 15; 22; 23; 24; 25]. Исследователи проанализировали правовой статус «лишенцев», модели их поведения и способы адаптации к новому строю в условиях дискриминационной и репрессивной политики в молодом Советском государстве. Кожаева А.А., например, в рамках лингвистического поворота в истории изучила «письма во власть» лиц, лишенных избирательного права в Западной Сибири в 1918–1936 гг., их тактику поведения и речевые практики, с помощью которых они пытались показать себя лояльными Советскому государству; исследователь обратила внимание на труд как важный аргумент «лишенцев» при попытках восстановить избирательные права [14; 15].

1 В 1929 г. в РСФСР было подсчитано количество «лишенцев» лишь по 709 городам из 751 (вместе с рабочими поселками). Составители статистического сборника не включили в него, за неимением сведений, данные о выборах, прошедших в 1927 г. в 4 городах. См.: [13, с. 4, 43].

Основой для многих современных исследований по данной теме являются личные дела «лишенцев». Задача, поставленная нами, – изучить материалы дел тех из них, кто в прошлом входил в провинциальную торговую элиту. В Государственном архиве РТ, в фонде Центрального исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Татарской АССР (сокращенно ТатЦИК, ЦИК ТАССР) за 1929–1936 гг. оказалось несколько личных дел бывших купцов уездного города Чистополя Казанской губернии², которые до революции являлись членами чистопольского биржевого общества и специализировались на хлебной торговле³, но в 1920-е гг. были лишены избирательных прав и пытались их восстановить [24]. Нами были обнаружены личные дела С.И. Вагапова, Л.Т. Жиганова, Г.С. Кокорышкина, Н.Н. Чукашева, Н.П. Шашина.

Салахутдин Ибрагимович Вагапов еще 1924 г. был лишен избирательных прав как торговец. Несмотря на это, до 1926 г. он продолжил заниматься хлебной торговлей по патенту 3-го разряда⁴. Начал ходатайствовать о восстановлении его в избирательных правах только через 5 лет после лишения. Жиганов Лазарь Тарасович – сын и доверенное лицо Жиганова Т.М., занимавшегося хлебной торговлей и владевшего мукомольной мельницей. Лишен избирательных прав в 1930 г. как бывший крупный предприниматель, «всю жизнь проживший на нетрудовой доход, эксплуатируя наемную силу», «не имевший трудового стажа и не занимавшийся общественно-полезным трудом, нелояльно относившийся к советской власти». Кокорышкин Геронтий Семенович – бывший купец (до 1914 г.) и крупный хлебозакупщик, лишен избирательных прав в 1928 г. Чукашев Николай Никитич – лишен прав в 1929 г. как торговец, «комиссионер по сбору пива» в Татпищтресте, «кожагент». Николай Павлович Шашин – в 1927 г. лишен избирательных прав как бывший купец, «не лояльный к советской власти», торговавший до революции по 2-му разряду, занимавшийся скупкой хлеба у крестьян.

В каждом личном деле содержится «карточка на лишенца», формуляр которой включал в себя следующие реквизиты – фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность, семейное положение, социальное положение и социальное происхождение, имущественное положение, наличие подсобных предприятий, сведения о домовладении, о службе в Красной армии, причины

лишения избирательных прав (под разными литерами, расположенными в алфавитном порядке, перечислено 14 возможных причин), сведения о документах, давших основания для лишения, заключение по жалобе с обоснованием мнения о желательности восстановления в правах или отказа, итоговое постановление. Карточки, за редким исключением, заполнялись не полностью, но в них в обязательном порядке вносили сведения о вынесенном решении. Однако в личных делах множество других источников, которые ценны для исследователя. Эго-документы (заявления, прошения, автобиографии) и нотариально заверенные справки о работе, свидетельские показания позволяют ответить на целый ряд важных вопросов – чем бывшие купцы занимались после революции 1917 г., как происходила их адаптация к новому строю, каковы последствия лишения их избирательных прав, а также дают возможность выявить особенности их электорального поведения, проследить, как эволюционировало их отношение к своему прошлому, демонстрируемое властям.

Надежду на успешное восстановление в правах для бывших торговцев дало постановление ЦИК СССР от 22 марта 1930 г. «Об устранении нарушений избирательного законодательства Союза ССР», которое предписывало центральным исполнительным комитетам автономных республик в трехмесячный срок со дня издания постановления рассмотреть во всех инстанциях все поданные заявления граждан на неправильное лишение их избирательных прав. Постановление гласило: «В случае подачи гражданами заявлений на неправильное лишение их избирательных прав в вышестоящие органы власти, впредь до окончательного рассмотрения их заявлений, не могут применяться к ним какие бы то ни было ограничения, кроме ограничения права участия в выборах» [21, с. 360–361]. Поэтому в 1930 г. активизировались действия «лишенцев» – как тех, кто уже вел многолетнюю борьбу за восстановление в правах (как правило, они обращались в органы власти сразу, узнав о факте лишения, полагая, что в их отношении была допущена ошибка), так и тех, кто решил на это впервые.

Процедура восстановления в правах для «лишенцев» г. Чистополя включала в себя следующие этапы: 1) обращение в Чистопольскую городскую избирательную комиссию по проверке списков лиц, лишенных избирательных прав, при Чистопольском горсовете, с соответ-

2 Скажем несколько слов об этом городе. Чистополь к началу XX в. представлял собой второй по численности населения город в Казанской губернии после Казани (в 1910 г. в Казани проживало 187 187 чел., в Чистополе – 24 921 чел., в то время как в таких уездных городах как Козмодемьянск, Лаишев, Мамадыш, Чебоксары – немногим более 5 тысяч человек, в Тетюшах и Мариинском посаде – более 6 тысяч, остальные города насчитывали от 1 до 3 тысяч жителей). В Чистополе было 407 человек, приписанных к купеческим гильдиям (для сравнения: в Казани в том же году – 2132, в Козмодемьянске – 132 человека, в других городах – менее сотни). См.: [3].

3 Чистополь до революции являлся одним из важнейших центров хлебной торговли Волго-Камского региона. В 1910 г. здесь открылось первое заседание торговой биржи, созданной по инициативе крупных купцов Н.П.Шашина, А.Я.Логутова, С.И.Вагапова и других.

4 Самый высокий разряд, включавший в себя торговлю из «обширных неподвижных помещений», а также «предприятия по коммиссионному делу». См.: [12].

ствующим ходатайством; 2) подача жалобы на решение горкомиссии в Кантонную комиссию по пересмотру списков лишенных прав голоса при Чистопольском кантонном исполкоме; 3) обращение в ТатЦИК; 4) заявление в Центризбирком при ВЦИКе (другое название – Всероссийская центральная избирательная комиссия, создана в 1925 г. [22, с. 10]).

Рассмотрим более подробно личные дела бывших коммерсантов. Главный мотив обращения в соответствующие органы власти – найти постоянную работу – выразил Л.Т. Жиганов: «Все данные говорят за то, чтобы восстановить меня во всех правах, дабы я на службе чувствовал себя полноправным гражданином, а не лишенцем, и нигде бы не встречал препятствий в поступлении на службу из-за соцположения...» [5, л. 1 об.]. Н.Н. Чукашев взывал к справедливости: «Не представляется возможным, чтобы при подобных условиях тяжесть последствий, связанных с лишением избирательных прав, в какой-либо степени соответствовала моим действиям, поэтому прошу ТатЦИК о восстановлении меня в правах» [7, л. 6].

Ситуация, в которой оказались бывшие торговцами, тяжело переживалась ими. В своем обращении во ВЦИК Л.Т. Жиганов писал: «...Заставило меня выехать из Казани то, что меня как лишенца нигде в Казани не принимали и я решил попытать счастье на Урале, где сильно нуждаются в спецах, не считаясь с соц[иальным] положением. Но здесь меня также постиг ряд неудач лишь только из-за моего соц[иального] положения, каковое я не скрываю, а иду открыто. В конце концов меня приняли на службу в Добрянский «Леспромхоз» (в глухом лесном месте) в качестве строителя десятника, на постройку поселка для спецпереселенцев...» [5, л. 1–1 об.]. Он приезжал также в Москву, но из-за лишения избирательных прав всюду получал отказ. На момент завершения рассмотрения его дела он проживал в Свердловске (ныне – г. Екатеринбург).

Н.Н. Чукашев в 1927 и 1928 гг. в целях переквалификации обучался на курсах промышленной калькуляции при Казанском институте научной организации труда. Последствием лишения его избирательных прав отметил следующее: «В настоящем году, по защите дипломной работы, я получил квалификацию калькулятора, но работать лишен возможности» [7].

Все «лишенцы» стремились доказать, что они «свои» для советской власти, а не «чужие». Для этого ими применялись следующие стратегии:

Во-первых, предпринималась попытка доказать свое крестьянское происхождение. В 1930 г. С.И. Вагапов в автобиографии, приложенной к заявлению в адрес Чистопольской городской комиссии по проверке списков лишенных избирательных прав, указал, что происходил «из крестьян д. Котлушкино Муслимовской волости»⁵, занимался сельским хозяйством, проживал с матерью и младшими братьями. Однако при обращении в ТатЦИК он же писал: «Остался после отца 4 лет. Мать вышла замуж и меня бросила, и я воспитывался у двоюродного брата, с девяти лет был уже пастухом и работал в крестьянском хозяйстве» [4, л. 8]. В любом случае, несмотря на биографические неточности в автобиографии, «лишенцем» поддерживалась версия о своем крестьянском происхождении.

Во-вторых, бывшие торговцы прилагали к своим прошениям справки о работе в советских учреждениях после 1917 г. Так, С.И. Вагаповым предъявлены документы об участии в заготовке хлеба для революционного штаба в 1917–1918 гг., работе агентом Чистопольского агентства Госторга по хлебному делу, хлебным контрагентом в отделении Татторга, членом Учетно-ссудного комитета Чистопольского агентства Государственного банка. Г.С. Кокорышкин указал, что с 1914 по 1928 г. служил в Чистопольской городской управе, в Чистопольском коммунальном хозяйстве в качестве кассира, Татлесотресте «лесным приказчиком» (лесозаготовительным приемщиком), в период с 1927 по 1930 г. «временно ездил по уезду в качестве ямщика на чужих лошадях поденно» [6, л. 3]. Дополнительным, заслуживающим уважения фактом, по его мнению, стало членство в профессиональных союзах – в Союзе совторгслужащих, Союзе работников коммунального хозяйства, Союзе деревообделочников. Подобную информацию указывали и другие «лишенцы».

Л.Т. Жиганов как специалист-практик по механике участвовал в установке камнедробилок, шинковальных машин, нефтяных двигателей, оборудования маслозаводов в различных промысловых кооперативных артелях, составлял схематические чертежи пылесобирателей для корьедробилок, являлся агентом особых поручений при Кирпромбюро⁶.

Шашин Н.П. представил справки о работе в санитарно-технической секции г. Красноярск, в Красноярском политехническом институте, в Чистопольской конторе Хлебопродукта (с 1924 по 1927 г.), а также удостоверение Заготконторы, выданное его жене.

Н.Н. Чукашев до 1922 г., по его словам, состоял на гражданской службе «по канцелярии и счетоводству»,

5 Вероятно, речь шла о дер. Кутлушкино Красноярской волости Чистопольского уезда Казанской губернии.

6 Кирпромбюро было создано в 1919 г. в Оренбурге для снабжения материалами предприятий промышленности Киргизской республики.

с 1922 по 1924 г. занимался ремеслом (считал себя кустарем без применения наемного труда, приложил к заявлению членский билет Комитета кустарей), а с 1926 г. занимался изготовлением обуви.

Среди представленных «лишенцами» документов встречаются справки от чистопольского финансового инспектора (о том, что не торговали в советский период), от кантонной милиции (о том, что не имели никаких побочных доходов).

В-третьих, «лишенцы» пытались придать своим до-революционным видам деятельности характер крайней необходимости. Например, С.И. Вагапов писал: «...Ввиду пришедшего в упадок домашнего хозяйства и мало-земелья я был вынужден (курсив наш. – К.Н.) изыскивать другой заработок для существования» [4, л. 8]. Для них было свойственно преуменьшать размеры своей прежней торговли. Вагапов, по его словам, в первое время «имел маленький (курсив наш. – К.Н.) ларек, торговал бакалеем», а после 1904 г. перешел на торговлю хлебом, занимаясь этим до 1916 г. Естественно, о том, что он являлся биржевым старшиной на Чистопольской товарной бирже, наблюдал за хлебной торговлей по выбору Городской думы, в документах не было упомянуто ни разу. Г.С. Кокорышкин писал: «...привожу документальные данные, [что] до 1914 г. имел я не крупную (курсив наш. – К.Н.) хлебозакупку, выбирая право второго разряда...» [6, л. 7].

Многие «лишенцы» и вовсе отказывались от своего торгового прошлого. В своем заявлении Н.Н. Чукашев писал: «...Я не был "торговцем" и до [19]18-го года, и вообще, идеология "торговца" мне не свойственна...» [7, л. 5]. Так, Л.Т. Жиганов обращался во ВЦИК: «Я никогда не был торговцем в дореволюционное время, а как уже доказывал в предыдущих заявлениях, имел лишь кустарную маслособойку и двупоставную мельницу и продавал лишь свою продукцию <...> Из этого вывод, что я в старое время был не заводчик-фабрикант, или торговец, а лишь только кустарь» [5, л. 20]. Н.П. Шашин пытался всеми силами склонить власть к восстановлению его в гражданских правах: «Если я и торговал в маленьком масштабе по 2-му разряду, то поэтому нельзя судить, что я был купцом, с ныне умершим отцом я ничего общего не имел» [8, л. 14].

В 1929 г. в Чистопольский кантисполком обратился Г.С. Кокорышкин. Доказывая, что с 1907 г. он был мещанином, а не купцом, Кокорышкин приложил выписку из бессрочной паспортной книжки, выданной чистопольским мещанским старостой.

В автобиографиях «лишенцев» встречается демонстративно отрицательное отношение к своей прежней деятельности: «...Из этого вывод, что мои стремления

идти на встречу советского строя, и я не покладая рук всячески старался искупить свою вину в прошлом перед властью...» (из заявления Л.Т. Жиганова) [5, л. 1 об.].

Н.Н. Чукашев старался придать своей торговой деятельности в период НЭПа характер крайней нужды: «В 1924 г., я, вследствие длительной безработицы <...> вынужден был принять на себя работу в Татпищтресте, в качестве заведующего Пивным залом на комиссионных началах, работу для меня совершенно случайную, т.к. ни ранее, ни позднее я никакими коммерческими делами не занимался...» [7].

В-четвертых, «лишенцы» апеллировали к тому факту, что никогда не имели наемного труда, либо же его использование имело незначительные масштабы. Л.Т. Жиганов указывал, что «наемного труда имел на мельнице не больше 3-х человек, обслуживал свою работу членами семьи» [5, л. 20–20 об.].

В-пятых, бывшие торговцы предъявляли документы об отсутствии у них объектов недвижимости. В своем прошении Н.П. Шашин акцентировал внимание на неимение у него имущества как до революции, так и после, полагая, что причиной лишения прав могло стать домовладение: «До революции <...> никаких мельниц, крупянок и т.п. заведений не имел и даже дом, в котором я жил (теперь он советский №9 по улице Карла-Маркса) не принадлежал мне, а покойному моему отцу – Павлу Григорьевичу, на который у него было несколько наследников» [8, л. 5]. Свои слова он подтвердил справкой из Чистопольского коммунального отдела об отсутствии у него недвижимого имущества.

В-шестых, бывшие купцы пытались доказать свою лояльность советской власти. Так, Жиганов Л.Т. писал: «...Я всегда относился к советской власти сочувственно, что подтверждается хотя бы тем, что во время налета чехов в 1918 г. я с ними (т.е. чехами) не уходил, чем и доказал свою преданность Соввласти, ибо все недовольное и контрреволюционное ушло с чехами, работали с ними, а я у белых никогда не служил, что свидетельствует ряд прилагаемых документов моей безупречной службы с 1919 г.» [5, л. 20].

В своей жалобе во ВЦИК Н.П. Шашин выразил непонимание, в чем именно выразилась его нелояльность к советской власти: «...У Горизбиркома совершенно нет никакого материала, почему он и делает выражение в растяжимом смысле, тем более я под судом и следствием не состоял и не состою» [8, л. 14 об.].

Последним штрихом в автобиографиях бывших купцов стал призыв к милосердию тех, кто находился у власти и от кого зависела их судьба; в личных делах «лишенцев» имеются справки о различных заболеваниях

ях, инвалидности, о наличии несовершеннолетних иждивенцев и бедственном положении. Так, С.И. Вагапов просил принять во внимание его инвалидность. На момент лишения избирательных прав ему было 76 лет, на его иждивении находились больная жена, две дочери 12 и 15 лет. Вагапов писал: «Живу на средства реализации имущества и от коровы молочных продуктов»; «...В настоящее время <...> больной, ничего не делаю, распродаю последнее имущество, никаких других источников дохода не имею» [4, л. 8 об.].

Н.П. Шашин в год лишения его избирательных прав достиг 65-летнего возраста, его жене исполнилось 53 года; оба находились на содержании сына Михаила – рабочего Ленинградского металлического завода крупного машиностроения; к прошению он приложил протокол Бюро экспертизы при Чистопольском отделе здравоохранения об инвалидности и потере работоспособности на 80% [8]. Г.С. Кокорышкин стал безработным (на момент написания заявления ему исполнился 61 год), жене было 59 лет, жили на иждивении своих детей, которые находились на государственной службе.

В делах «лишенцев» встречаются почтовые карточки «с оплаченным ответом». Бывшим торговцам приходилось довольно долго (до 11 месяцев) ждать ответа из ВЦИКа, несколько раз писать повторные просьбы рассмотреть их дела и вернуть все документы. До ВЦИКа все почтовые карточки доходили, на них стоит отметка (штампель) с датой получения. Но принятие решения затягивалось.

На текстах заявлений всех «лишенцев» советскими чиновниками подчеркивались карандашом некоторые слова и выражения, что позволяет определить область их особого внимания при рассмотрении подобного рода дел. Так, в заявлении Н.П. Шашина в ТатЦИКе было выделено: «...До революции я торговал по 2-му разряду по покупке и продаже хлебов»; «Дом, в котором я жил до революции <...> не принадлежал мне, а покойному моему отцу, умершему в 1920 г.», «...Живу на иждивении сына», «... признан инвалидом 2-й группы»; другие факты из жизни бывшего купца, изложенные в том же заявлении, очевидно, были проигнорированы. В тексте жалобы в адрес ВЦИКа карандашом было подчеркнуто: «... утверждено Центризбиркомом Татреспублики» (ВЦИК, как правило, соглашался с мнением ТатЦИКа) [8, л. 14].

В заявлении Г.С. Кокорышкина, упоминаемого нами выше, было подчеркнуто карандашом красного цвета: «бывший купец, хлеботорговец, хлебной торговлей я занимался до 1914 г. по свидетельству второго разряда...» [6, л. 16]. Это и стало основной причиной лишения из-

бирательных прав, не взирая на более поздние заслуги. В текстах заявлений «лишенцев» чиновники находили причины, подтверждавшие свою правоту. Получается, сами «лишенцы» свидетельствовали против себя.

На заявлении Н.Н. Чукашева в Казанский горсовет черными чернилами было надписано следующее: «Сын крупного домовладельца: имели дома в Чистополе – 3 дома, в гор[оде] Казани 3 дома – муниципализированы. До 1915 г. учился в Госуниверситете – призван в ряды старой армии, заур[яд] воен[ный] чинов[ник] до 1918 г.⁷ В 1918 г. был в белой армии до 1920 г., дошел до Иркутска» [7, л. 19]. Формальная же причина лишения его избирательных прав, изложенная в документах, отправленных во ВЦИК, заключалась в торговой деятельности: «Он арендовал пивную у Пищтреста с 1924 года по июнь 1927 г.» [7, л. 10].

Таким образом, рассмотренные личные дела «лишенцев» позволяют выявить общую модель их поведения, проанализировать способы приспособления к изменившимся социально-экономическим условиям, восстановить биографии бывших купцов после 1917 г. Отметим, что для них процесс адаптации проходил весьма успешно – устроившись поначалу на службу в государственные советские учреждения, они использовали свои знания, умения в практической деятельности, приносили пользу экономике страны. Лишение избирательных прав в эпоху НЭПа не имело для них решающего значения – некоторые вернулись к предпринимательской деятельности, сумев обеспечить себе достойную жизнь. С конца 1920-х гг., в условиях свертывания НЭПа, когда власть более активно стала проводить кампанию по лишению избирательных прав, бывшие торговцы столкнулись не только с трудовой дискриминацией, но и с отсутствием возможности заработать деньги, перспективой полуголодного существования, что и побудило их бороться за восстановление своих прав. Отметим, что многие бывшие купцы считали свое попадание в список «лишенцев» нелепой ошибкой, на которую они должны указать власти, доказав свою лояльность к ней и усердие на благо советского общества.

Среди них существовало мнение, что лица, не занимавшиеся торговлей со времени основания СССР в течение пяти лет, права избирательного голоса не лишаются, что чиновники ошибочно принимают их труд за торгово-промышленную деятельность. Как показал анализ личных дел бывших купцов – «лишенцев», для советской власти имело значение лишь их дореволюционное прошлое, поэтому ни одно ходатайство о восстановлении в правах, рассмотренное нами, не было удовлетворено.

7 Зауряд - юридический термин, означающий, что исполняет обязанности, пользуется правами и преимуществами такое лицо, которому по общим правилам это не могло бы быть предоставлено (зауряд-чиновники военного ведомства).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоновский В.Н., Кальгина А.А. Правовое положение лишенцев и степень их угрозы Советской власти // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. №3. С. 15–19.
2. Берлявский Л.Г., Бондарев В.А. Категория «лишенец» в советском избирательном праве // Избирательное законодательство и практика. 2019. №2. С. 37–40.
3. Ведомость о распределении жителей в Казанской губернии по сословиям за 1910 г. // Обзор Казанской губернии за 1910 г. Казань: Типография губернского правления, 1912. [121] с.
4. Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. Р-732. Оп. 29. Д. 1098.
5. ГА РТ. Ф. Р-732. Оп. 29. Д. 2631.
6. ГА РТ. Ф. Р-732. Оп. 29. Д. 3805.
7. ГА РТ. Ф. Р-732. Оп. 29. Д. 8070.
8. ГА РТ. Ф. Р-732. Оп. 29. Д. 8606.
9. Декрет ВЦИК от 11 августа 1924 г. «Инструкция о пере выборах городских и сельских Советов и о созыве волостных (районных), уездных (окружных) и губернских (областных) съездов Советов» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1924. №71. Ст. 695.
10. Декрет ВЦИК от 13 октября 1925 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1925. №79. Ст. 603.
11. Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. 1926. № 75. Ст. 577.
12. Декрет о промысловом налоге от 26 июля 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М., 1944. №56. Ст. 354.
13. Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Вып. II. М.: Изд-во «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1930. 104 с.
14. Кожаева А.А. Речевые практики подражания официальному советскому дискурсу в письмах «лишенцев» во власть (1918–1936 годы) (на материалах Западной Сибири) // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 29–38.
15. Кожаева А.А. Труд как основание для восстановления в правах и инструмент социализации по-советски (1926–1936 годы) (на материалах Западной Сибири) // Исторический курьер. 2023. №1 (27). С. 78–89.
16. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. литературы, 1974. Изд-е пятое. Т. 35. 600 с.
17. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. литературы, 1969. Изд-е 5. Т. 36. 742 с.
18. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / [Ю.И. Голиков, С.А. Красильников, В.И. Пинкин и др.; отв. ред. С.А. Красильников]. 2-е изд. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 600 с.
19. Постановление ВЦИК от 1 октября 1934 г. «Об утверждении инструкции о выборах в советы и на съезды советов РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. М., 1934. №36. Ст. 226.
20. Постановление ВЦИК от 20 октября 1930 г. «Об утверждении инструкции о выборах в советы и на съезды советов РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1930. №54. Ст. 654.
21. Постановление Президиума ЦИК от 22 марта 1930 г. «Об устранении нарушений избирательного законодательства Союза ССР» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. М., 1930. №19. Ст. 212.
22. Саламатова М.С. Всероссийская центральная избирательная комиссия: первые страницы истории (1925–1926 гг.) // Избирательное право. 2015. №2(30). С. 8–13.
23. Саламатова М.С. Институт лишения избирательных прав в Советской России: от Конституции 1918 года к Конституции 1936 г. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. №3. С. 125–144.
24. Саламатова М.С. Лишение и восстановление в избирательных правах в Советской России (1918–1936 гг.): эволюция правового регулирования // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. №12. С. 117–136.
25. Федорова Н.А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. №4. С. 483–496.

© Корева Наталья Анатольевна (KorevaNata@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»